

ДВА КАПИТАНА

(ВЕРСИЯ ВРЕМЕН ЗАСТОЯ)

1.

Ранней весной транспортный рефрижератор «Ангара» направлялся к берегам Аляски в район лова в Бристольском заливе. Судно прошло 4-й Курильский пролив, соединяющий Охотское море с Тихим океаном, и устремилось на восток. Погода стояла отличная.

Водная поверхность океана была гладкой, как в озере. Крикливые чайки неотступно сопровождали судно, энергично подхватывая и тут же заглатывая пищевые отходы, выбрасываемые с камбуза. Матросы на палубе выполняли различные работы, которыми

их щедро обеспечивал боцман. При этом, наслаждаясь ласковым весенним солнцем и свежим морским воздухом, они весело перебрасывались острыми флотскими шутками и анекдотами. И хотя подобные шутки уже давно были всем знакомы, а анекдоты имели

солидный возраст, будучи, что называется, «с бородой», их встречали дружным смехом. Великий океан крайне редко бывает таким добрым. Моряки это хорошо знали, а потому пытались, пока есть возможность, максимально отдохнуть и душой, и телом.

Капитан «Ангары» Виктор Константинович Северцев после короткого, но глубокого сна встал в прекрасном настроении, побрился, принял душ и направился в кают-компанию. Там он не спеша, явно растягивая удовольствие, принялся за утренний чай с бутербродами и печеньем. Одновременно он обсудил свежие судовые новости и некоторые незначительные дела с присутствующими за столом членами командного состава. Это делалось, скорее, для поддержания разговора и теплой, дружеской атмосферы в кают-компании.

После чая Северцев поднялся на капитанский мостик. Там вели неторопливый разговор вахтенные штурман и матрос. Судно шло на авторулевом; поэтому вахтенные всего лишь наблюдали за окружающей обстановкой.

— Доброе утро! — поприветствовал Северцев вахтенных. — Как обстановка?

— Все спокойно, Виктор Константинович, — ответил штурман.

— Встречных судов не было?

— Никак нет, товарищ капитан. Только чайки да дельфины.

— Ну и хорошо. Так держать!

Северцев прошелся по мостику, вышел на крыло. Несмотря на раннее утро, было уже довольно тепло. Легкий ветерок приятно освежал. Внизу журчала струя, рассекаемая форштевнем. Она нежно обтекала корпус судна.

«Хорошо! — мысленно произнес Северцев, щурясь на голубое небо с редкими облаками, слегка окрашенными оранжевыми лучами солнца. — Вот бы весь рейс так!»

В этот момент из радиорубки вышел радист с двумя радиограммами в руках. По его озабоченному лицу Северцев сразу понял, что полученные сообщения вряд ли доставят ему радость. И он не ошибся.

— У меня два сообщения, Виктор Константинович, — сказал радист, протягивая Северцеву радиограммы, — одно плохое, другое очень плохое.

Северцев быстро прочитал радиограммы, и от его благодушного настроения, вызванного хорошей погодой, не осталось и следа. Первая радиограмма была получена с рефрижератора «Зубатка», принадлежащего их Управлению. На судне вышел из строя главный двигатель, и оно медленно дрейфовало по направлению к скалистым Курильским островам. Фактически это был сигнал бедствия.

Вторая радиограмма содержала штормовое предупреждение. Шторм надвигался на район, где находились «Ангара» и «Зубатка».

— Есть еще какие-нибудь суда поблизости? — спросил Северцев радиста.

— Два судна Дальневосточного пароходства находятся на расстоянии суточного перехода. Ответил еще какой-то сейнер. Но вряд ли этот малыш сможет чем-нибудь помочь. Ему лучше самому скорее спрятаться от надвигающегося шторма.

— Понятно. Значит, к аварийному судну идем мы. — Приняв решение, Северцев дал команду штурману. — Нанесите на карту место аварийного судна. Его координаты указаны в радиограмме. Определите как можно точнее наше место. Посчитайте, сколько нам потребуется времени, чтобы добежать до «Зубатки».

Штурман скрылся в штурманской рубке. А Северцев вызвал на мостик обоих своих помощников, свободных от вахты, старшего механика и боцмана.

Вахтенный штурман, поколдовав над картой, доложил: «До «Зубатки» четыре часа ходу». Северцев обратился к радисту: «Сообщите на «Зубатку», что мы будем в их районе через четыре часа. И соедините меня с капитаном».

В это время на мостик поднялись все вызванные Северцевым люди. Виктор Константинович кратко ознакомил их с обстановкой. Затем он дал распоряжение старшему помощнику и боцману приготовить буксир и завести на корме надежную брагу, закрепив на кнехтах и пропустив через клюзы стальной трос в четыре нитки. К этому сложенному вчетверо тросу, называемому брагой, с помощью мощной скобы следовало крепить буксир.

— Проверьте кормовой шпиль, приготовьте на всякий случай линеметательную установку, — сказал Северцев, а затем предупредил старшего механика: — При подаче буксира на аварийное судно, по-видимому, придется делать много реверсов. Будьте к этому готовы.

— Всегда готов! — улыбнулся стармех и шуточно поднял руку в пионерском приветствии.

Из радиорубки выглянул радист: «Виктор Константинович, капитан «Зубатки» на связи».

Северцев не был лично знаком с капитаном «Зубатки» Акуловым, но был немало о нем наслышан. Отзывы, к сожалению, были исключительно отрицательными. Будучи сыном заместителя начальника главка «Востокрыба», Акулов, не стесняясь, пользовался высоким служебным положением отца. Во время его учебы в Высшем мореходном училище командование, скрепя сердце, покрывало постоянно совершаемые им грубые нарушения дисциплины, а преподаватели по всем предметам с трудом натягивали ему положительные оценки. После окончания училища

Акулов был назначен штурманом на одно из судов Дальневосточного управления рефрижераторного флота. И хотя в этом качестве он отличился не столько успехами в области судовождения, сколько веселыми пирушками с женщинами легкого поведения и приятелями, а точнее, прихлебателями, беззастенчиво использующими все выгоды близости к сыну высокопоставленного чиновника, он довольно быстро продвинулся по службе и уже через несколько лет был аттестован на должность капитана. Первые два рейса, как это принято на флоте, он совершил с опытным капитаном-наставником. Но в первом же самостоятельном рейсе, швартуясь к плавбазе для передачи ей снабжения, он, неправильно выполнив маневр, сильно помял борт своего судна. Любой другой капитан как минимум получил бы строгий выговор, но Акулову по обыкновению все сошло с рук. На заводе судну выправили борт, и оно вышло в очередной рейс, правда, уже с другим капитаном. Отец Акулова был все же человеком неглупым. При всей любви к своему единственному сыну он отлично видел его недостатки и так же отлично осознавал свою неспособность хоть как-то на него повлиять. Поэтому Акулов-старший попросил начальника Управления рефрижераторного флота назначить Акулова-младшего капитаном на небольшое судно «Зубатка». Преимущество «Зубатки» состояло в том, что она не ходила в районы лова, где транспортные рефрижераторы собирали рыбу с промысловых судов и швартовались к плавбазам в открытом море, зачастую при свежем ветре и на приличной волне. Маленькая «Зубатка» совершала рейсы от причала к причалу между дальневосточными портами. Заходы в порты и швартовки осуществлялись с помощью

лоцманов, грузовые операции производились не в океане, а у причалов, и не судовыми средствами, а порталными кранами. Так что риск аварий был значительно ниже, а работа капитана — не столь напряженной.

Правда, в данном случае неисправность двигателя не могла быть поставлена в вину капитану «Зубатки». Однако Северцев понимал, что ему предстоит буксировать аварийное судно в ближайший крупный порт Петропавловск-Камчатский, а во время буксировки многое зависит от взаимопонимания и согласованных действий капитанов буксирующего и буксируемого судов. Поэтому, постаравшись придать голосу бодрый и доброжелательный тон, он проговорил в микрофон:

— Здравствуйте, Евгений Яковлевич! Что у вас случилось и какие меры принимаете?

— Да двигатель у меня сдох. Что я могу предпринять? Дрейфую на скалы.

— Ладно, не паникуйте. Через четыре часа я к вам подойду и возьму вас на буксир. Погода пока стоит хорошая, дрейф не должен быть слишком сильным. Так что я успею.

— Вот спасибо, Виктор Константинович! Только поторопись, пожалуйста!

Акулов незаметно перешел на «ты». В данной ситуации это было вполне естественно; спасатели и спасаемые очень быстро становятся родными, чуть ли не родственниками. Поэтому Северцев продолжил разговор, тоже перейдя на «ты».

— Евгений Яковлевич, пока я к тебе иду, заведи прочную брагу на носу. В ближайшие часы ожидается шторм, поэтому буксир должен быть надежно закреплен.

— Да зачем брага, Константиныч? С ней столько возни! Я прикреплю твой буксир к моей якорной цепи, и все будет о'кей.

— Ни в коем случае! Только брага! Якорь-цепь не выдержит.

Несколько секунд длилось молчание. Затем Северцев услышал недовольный голос Акулова:

— Ладно. Раз ты требуешь, попробуем завести брагу.

— Да не попробуем, а обязательно заведите! — Северцев начал не на шутку раздражаться: «Вот обормот! Ему грозит серьезная опасность, а он ленится выполнить необходимые работы! Для его же спасения!»

— Хорошо, уговорил, будет тебе брага, — с явным неудовольствием, будто делал одолжение своему спасателю, ответил Акулов.

— Вот и отлично! До связи. — Северцев передал микрофон радисту.

2.

«Ангара» стремительно шла в район дрейфа «Зубатки». Штурман каждые полчаса уточнял место судна, чтобы при необходимости ввести поправку в его курс на дрейф от воздействия ветра и течения.

Между тем еще совсем недавно ясное небо стало быстро покрываться темными тучами. За этим мрачным покровом исчезло солнце. Резко усилился ветер. По водной поверхности сначала прошла рябь, а затем побежали так называемые барашки, небольшие пенистые волны. Северцев хорошо знал, что будет дальше, не в первый раз наблюдал подобную картину. Волны начнут расти как на дрожжах и, превысив борт судна, обрушатся на его палубу. Придется сбавить ход. А уж заводить буксир в таких условиях чрезвычайно трудно и опасно. Поэтому во что бы то ни стало нужно обогнать шторм и взять на буксир «Зубатку», пока это еще возможно.

На мостик поднялись старпом и боцман.

— Команда подробно проинструктирована о порядке и порядке действия при буксировке аварийного судна, — доложил старпом.

— Главное — техника безопасности при подаче буксира, — уточнил Северцев. — Нужно и за буксиром смотреть, и одновременно за волной, если вдруг накатит на палубу. Смоет мгновенно, ахнуть не успеешь.

— Я всех предупредил. И сам буду следить предельно внимательно, — заверил старпом.

— А как у вас? — обратился Северцев к боцману.

— Не волнуйтесь, Виктор Константинович, — ответил боцман, — брага надежная, трос новый, любые нагрузки выдержит, хоть линкор на буксир бери.

— Хорошо, — одобрительно заключил Северцев, а затем добавил: — Похоже, мы успеем до начала серьезного шторма. Главное — надежно завести буксир, а там уж как-нибудь выберемся. Осторожненько, малым ходом доползем до Петропавловска.

Вскоре штурман обнаружил яркое белое пятно на экране радиолокатора, а еще через какое-то время вахтенный матрос крикнул: «Вижу судно прямо по курсу!» Несомненно, это могла быть только «Зубатка»; других судов в данном районе не было. Северцев вызвал на связь Акулова.

— Вижу вас, Евгений Яковлевич. Подхожу. Готовьтесь принять буксир.

— Я вас тоже вижу. К приему буксира готов.

Северцев с удовлетворением отметил, что погода пока еще вполне сносная. Поэтому особых сложностей с подачей буксира не предвидится. Он подвел «Ангару» как можно ближе к «Зубатке», чтобы подать буксир вручную, без использования линеметательной установки. При этом он учел, что

парусность «Ангары» больше парусности «Зубатки». Стало быть, и дрейфует «Ангара» быстрее. И когда корма «Ангары» окажется на предельно близком расстоянии от корпуса «Зубатки», нужно будет подать на «Зубатку» бросательный конец, так называемую выброску, с прикрепленным к ней проводником — прочным растительным концом. А уже к проводнику крепится стальной буксир. Это самый ответственный момент. Времени у моряков обоих судов крайне мало. Ведь суда не стоят на месте, они дрейфуют. И если промедлить, корма «Ангары» может оказаться в опасной близости от корпуса «Зубатки». Тогда не избежать столкновения.

Но все прошло благополучно. Вскоре старпом, находящийся на корме, доложил о том, что на «Зубатке» приняли буксир. На «Ангаре» заработал шпиль, медленно вытравливая буксир за корму. Северцев дал малый передний ход и постепенно, по мере вытравливания буксира, стал удаляться от «Зубатки».

Вахтенный штурман пошутил:

— Пока все как будто идет хорошо, — сказал человек, упавший с крыши небоскреба, пролетая мимо двадцать пятого этажа.

Северцев улыбнулся:

— Пока все действительно хорошо. Но ведь нам нужно пролететь еще двадцать пять этажей и желательно мягко приземлиться.

Шутка штурмана оказалась пророческой, хотя сам он этого, конечно, не мог даже подозревать. На мостик стремительно поднялся старший помощник. Он был явно взволнован.

— Виктор Константинович, «Зубатка» закрепила буксир на якорную цепь, — сообщил старпом.

— Как на якорную цепь! — вскричал Северцев. — Мы же договорились о браге!

Он схватил микрофон.

— «Зубатка», я «Ангара».

Прием!

— «Ангара», я «Зубатка», — ответил, по-видимому, вахтенный штурман.

— Передайте микрофон капитану! — решительно потребовал Северцев.

— Капитан отдыхает, — ответил с «Зубатки».

— Передайте, что он мне нужен. Срочно! — Северцев был взбешен.

— Хорошо. Сейчас я его пригласу. Пожалуйста, подождите минутку.

Ждать пришлось довольно долго. За это время Северцев постарался успокоиться. В ходе спасательной операции необходимо быть предельно спокойным. И уж скандалов в любом случае устраивать никак нельзя. Все претензии — в порту, после окончания рейса.

Но все же он приказал вахтенному штурману сделать запись в судовом журнале о том, что капитан аварийного судна не выполнил указание капитана судна-спасателя.

Наконец в микрофоне раздался голос Акулова.

— «Ангара», я «Зубатка».

Прием!

— Евгений Яковлевич, мы же с тобой договорились о браге. Почему ты использовал якорь-цепь?

— Да у нас троса подходящего не нашлось. И времени было совсем мало, — последовали неуклюжие оправдания.

— В качестве троса можно было использовать любой швартовый конец. А времени было вполне достаточно. Мы же успели завести брагу, да еще и буксир подготовить. — Северцев едва сдерживался.

— Да ты не волнуйся, Виктор Константинович, — с какой-то ленивой беззаботностью уговаривал его Акулов. — Якорная цепь у нас хорошая, прочная. До Петропав-

ловская недалеко. А уж там с меня коньяк и хорошая закуска.

— Подожди откупоривать коньяк, Евгений Яковлевич. Слишком рано. Шторм усиливается. Не выдержит твоя цепь. — Северцев помолчал, потом с некоторой усталостью в голосе сказал: — Ладно, теперь уж ничего не поделаешь. Пойдем так и будем надеяться на нашего морского Бога.

3.

Но Бог на этот раз не простил морякам их оплошность, а если уж говорить правду, откровенное разгильдяйство. Видимо, и его возмутила вопиющая безответственность капитана «Зубатки».

Шторм усиливался. Тяжелые волны накатывались на палубу и, как о плотину или защитную дамбу, разбивались о надстройку судна, разбрасывая в стороны огромные тучи брызг. Серые грозовые облака полностью заволокли небо. Стало темно, как осенним вечером, хотя было всего лишь 14:00. Идти на авторулевым при таком волнении моря невозможно; к штурвалу стал вахтенный матрос. Пришлось сбавить ход. А это означало увеличение времени буксировки. Желанный Петропавловск отодвигался, как горизонт по мере приближения к нему.

На мостик заглянул Слава, курсант судоводительского факультета, проходящий практику на «Ангаре».

— Виктор Константинович, буфетчица спрашивает, вы спуститесь в кают-компанию пообедать? Или вам обед подать в каюту? А может, прямо сюда, на мостик? Так я быстро организую.

— Спасибо! Я сейчас спущусь в кают-компанию, — ответил Северцев.

Затем он обратился к вахтенному штурману.

— Внимательно следите за буксиром. Он должен постоянно

быть в воде. Ни в коем случае не допускайте на него чрезмерной нагрузки. Он лопнет, точнее, не он, а эта проклятая якорь-цепь. — Северцев помолчал и, тяжело вздохнув, добавил: — Если шторм усилится и будут ощущаться резкие удары волн о корпус, вызовите меня. Придется еще сбавить ход.

На этот раз Северцев обедал в кают-компанию в полном одиночестве. Все уже пообедали, даже те, кто сменился с вахты. Виктору Константиновичу есть совсем не хотелось. Поступок Акулова полностью отбил аппетит и поселил ноющую, как зубная боль, тревогу в сердце. Северцев отказался от первого, крутого флотского борща, а когда буфетчица подала второе, он неторопливо, совершенно не ощущая вкуса, съел мясную котлету, даже не притронувшись к гарниру. Зато компоту попросил аж два стакана, сказав буфетчице, что желательно без фруктов, одной жидкости; очень хотелось пить.

— Что-то вы сегодня совсем не едите, Виктор Константинович. Неужели не вкусно? Или вы приболели? — обеспокоенно спросила буфетчица.

— Нет, нет. Я вполне здоров. И еда, как всегда, очень вкусная, — успокоил буфетчицу Северцев. — Просто мысли всякие лезут в голову. Вы не обращайтесь внимания. Спасибо за обед!

Северцев поднялся из-за стола и направился к выходу.

— Вы не переживайте, Виктор Константинович, — сказала вслед ему буфетчица, — дотащим мы эту посудину. Чай, не в первый раз.

— Вот и я так думаю, — ответил Северцев.

Он прошел в свою каюту, но очень скоро понял, что находиться там не сможет. Взял теплую куртку и поднялся на мостик.

— Как дела? — обратился Северцев к вахтенному штурману.

— Нормально, — ответил вахтенный, — буксир ведет себя прилично. Сильных рывков не наблюдается.

— Ну и ладно. Я здесь прилягу. Ели что, будите, — сказал Северцев, а затем, горько усмехнувшись, добавил: — Впрочем, вряд ли я засну.

Он зашел в штурманскую рубку и лег на диван, укрывшись курткой. Как ни странно, ему удалось заснуть, точнее, задремать.

Ближе к вечеру сквозь неглубокий прерывистый сон Северцев вдруг почувствовал явный дискомфорт. Он открыл глаза и тут же ощутил сильный удар волны о корпус судна.

В рубку зашел старпом; уже наступило время его вахты.

— Виктор Константинович, шторм усилился. Я думаю, нужно сбавить ход.

Северцев прошел на мостик. В это время мощный удар брызг от набежавшей на палубу волны обрушился на иллюминаторы, залил их на несколько секунд сплошным потоком воды.

— Да, вы правы, — обратился Северцев к старпому, — к сожалению, ход нужно сбавлять.

Он потянул на себя ручку машинного телеграфа, переставив ее на «малый».

— М-да, — многозначительно хмыкнул старпом, — так мы доберемся до Петропавловска как раз к Новому году.

— Только бы добраться. А когда, это уже не столь важно, — ответил Северцев и, покидая мостик, еще раз напомнил: — Следите за буксиром. Это сейчас жизненно важно.

4.

Буксир лопнул в полночь. Вахтенный штурман немедленно сообщил об этом капитану. Команду подняли по тревоге. С помощью кормового шпилья начали выбор-

ку буксира. Северцев, стоя на мостике, смотрел, как, гонимая штормовым ветром, быстро удаляется от них беспомощная «Зубатка».

С кормы доложили: «Буксир выбран. Вместе с одной смычкой якорной цепи “Зубатки”».

«Что и требовалось доказать! — со злостью подумал Северцев, но тут же начал мучительно соображать. — Как же снова брать на буксир эту чертову “Зубатку” при такой погоде? И долго ли выдержит новая смычка?»

Заводить брагу в штормовых условиях невозможно; людей просто смоеет за борт с полубака «Зубатки». Это нужно было делать еще утром, когда погода благоприятствовала. А сейчас уже поздно.

В микрофоне раздался голос Акулова.

— «Ангара», «Ангара», ответьте «Зубатке». Прием!

— «Ангара» на связи, — резко бросил в эфир Северцев.

— Виктор Константинович, когда вы нас подцепите? Мы очень быстро дрейфуем. — В голосе Акулова явно звучал нешуточный испуг.

— Нужно было заводить брагу, Евгений Яковлевич, как мы сразу договорились. Тогда бы вы не поставили и себя, и нас в дурацкое и, прямо скажем, опасное положение.

— Я все понимаю, Виктор Константинович, — ноющим голосом ответил Акулов, — я виноват. Но сейчас-то что делать?

— Ладно, успокойся. Я уже иду к тебе. Готовься принять буксир. Подаю его с помощью линеметательной установки.

Положив микрофон, Северцев обратился к старпому и матросу-рулевому:

— Чтобы подойти к «Зубатке», нам сейчас придется развернуться на обратный курс. В какой-то момент мы окажемся бор-

том к волне и получим сильный крен. Предупредите всех во избежание травм при возможном падении. Матросы пусть временно покинут кормовую палубу.

Через несколько минут Северцев начал поворот. «Ангара» действительно сильно накренилась на борт, но тут же выпрямилась; мощный двигатель вывел судно из опасного положения. Теперь волны били в корму «Ангары».

Северцев вновь обратился к старпому:

— Я постараюсь подойти как можно ближе к борту «Зубатки», насколько, конечно, это возможно при такой погоде. Разумеется, в создавшихся условиях выброску на «Зубатку» подать мы не сможем; этого не сможет сделать даже чемпион мира по метанию молота или копья. Поэтому приготовьте линеметательную установку. Стрелять будет третий помощник. А вы выберете момент, когда мы будем предельно близко к «Зубатке», и дадите ему команду. Ракета должна пройти над серединой корпуса судна. Матросы «Зубатки» сами перенесут линь куда надо. Не пытайтесь облегчить им работу и попасть прямо на полубак. В этом случае при малейшем промахе линь окажется в воде и достать его будет очень трудно, практически невозможно.

— Я все понял, Виктор Константинович. Сделаем.

— Еще раз напоминаю о технике безопасности. Волна гуляет по палубе, — счел необходимым предупредить Северцев, хотя прекрасно понимал, что его старпом знает это не хуже своего капитана.

Операция прошла удачно. Выстрел третьего помощника оказался точным. Матросы «Зубатки» подхватили прикрепленный к ракете линь, быстро перенесли его на полубак и выбрали на борт. За ним последовал проводник и, наконец, стальной буксир.

«Ангара» начала медленно отходить от «Зубатки», постепенно ставлявая буксирный трос.

— Ну что ж, рулите дальше, — сказал Северцев вернувшемуся на мостик старпому и второму помощнику, заступающему на вахту. — Дай бог, чтобы эта смычка оказалась прочнее предыдущей.

— Интересно, когда они в последний раз освидетельствовали свою якорь-цепь? — с нескрываемым сомнением спросил старпом.

— Хороший вопрос, — вздохнул Северцев. — Только капитан «Зубатки» сейчас вряд ли честно на него ответит. Да это уже и не имеет никакого значения в данной ситуации. Разбираться будем в порту.

Постояв некоторое время на мостике и понаблюдав за поведением буксира, Северцев пожелал второму помощнику спокойной вахты.

— А вы, старпом, идите отдыхать; вам скоро заступать на свою вахту, — распорядился он. — Ну а я опять тут в штурманской на диванчике перекачусь. И пожелаем друг другу удачи!

5.

Но океан на этот раз был явно рассержен на моряков. Под утро якорная цепь «Зубатки» снова лопнула. И снова начались сложные и опасные маневры, связанные с выборкой буксира на «Ангара», подачей его на «Зубатку» с помощью линеметательной установки и продолжением буксировки малым ходом курсом на Петропавловск-Камчатский.

— Виктор Константинович, при таких стрельбах у нас скоро ракет не останется, — проворчал третий помощник, заступив на утреннюю вахту.

— Ничего, прорвемся, — ответил Северцев. — Тем более шторм, кажется, стихает.

Действительно, между темными тучами появились просве-

ты, в которые иногда на короткое время выглядывало бледное солнце. Ветер ослаб. Волны стали более пологими. Они уже не бились с дикой злобой о корпус судна, как это было ночью. Северцев подобрал такую скорость хода, при которой «Ангара», как говорят моряки, отыгрывалась от волн, то подымаясь высоко на гребень очередной волны, то опускаясь в глубокую впадину между двумя соседними волнами.

И все же, когда уже довольно четко забрезжила надежда на благополучное завершение буксировки, якорная цепь «Зубатки» лопнула в третий раз. И в третий раз после сложных маневров «Ангара» взяла «Зубатку» на буксир.

Капитан Северцев вздохнул с облегчением. Погода явно улучшалась, и до Петропавловска-Камчатского было уже совсем близко. Но неожиданно беда обрушилась с другой стороны. На мостик поднялся старпом и доложил, что в самом конце операции по взятию «Зубатки» на буксир получил травму, и, по-видимому, достаточно серьезную, курсант Слава.

— Во время поворота судно дало сильный крен, — рассказал старпом. — Славка не удержался и покатился по наклонной палубе. Его нога попала между ступенями трапа. Мы отнесли его в лазарет. Там сейчас врач оказывает ему помощь.

Это было крайне неприятное известие. Славу на судне любили. Он был трудолюбивым и очень любознательным юношей. Интересовался не только штурманским делом, довольно много времени проводил и в машинном отделении, где молодой четвертый механик, с которым он сразу подружился, знакомил его с устройством различных механизмов. Слава был веселым парнем, к тому же он неплохо исполнял популярные песни,

аккомпанируя себе на гитаре. Такие ребята обычно поднимают настроение моряков, что в рейсе, особенно длительном и тяжелом, исключительно важно.

Северцев прошел в кормовую надстройку, где размещался лазарет. Слава лежал на койке. Чувствовалось, что он испытывает нешуточную боль. Но страдал он не столько от боли, сколько от того, что подвел товарищей, и в первую очередь капитана. Он знал, что капитан может получить взыскание за несоблюдение на судне техники безопасности.

— Виктор Константинович, я сам виноват, — обратился он к Северцеву. — Я кому угодно, любой комиссии скажу, что вы тут ни при чем. Я сам варежку разинул, вот и получил по заслугам.

— Ладно, Славик, не волнуйся. Все будет хорошо, — успокоил его Северцев, а затем вопросительно взглянул на судового врача Марину Чайку. — Что с ним?

— Перелом, — вздохнула Марина. — Я наложила шины. Но ему нужно в стационар. Когда мы будем в Петропавловске?

— Уже скоро, Марина. Погода значительно улучшилась. Я увеличил ход.

Северцев легонько пожал Славину руку.

— Поправляйся, будущий адмирал. Если врачи разрешат, из Петропавловска отправим тебя во Владивосток самолетом. Там родители тебя быстро на ноги поставят, и в следующий рейс опять пойдешь с нами.

— Спасибо, Виктор Константинович! — улыбнулся курсант.

6.

В Петропавловск-Камчатский пришли утром следующего дня. Взяли «Зубатку» на короткий буксир, подвели ее к месту якорной стоянки и поставили на якорь в ожидании подхода

буксиров, которые должны были отвести «Зубатку» на судоремонтный завод.

«Ангаре» предоставили свободный причал с тем, чтобы было удобнее снять с борта травмированного курсанта.

Закончив швартовку, Северцев спустился в каюту. Старший помощник принес все документы по буксировке «Зубатки», оформленные как на выполнение спасательной операции. Это было абсолютно справедливо, поскольку «Зубатке» действительно грозила гибель, если бы «Ангара» своевременно не взяла ее на буксир. И команде «Ангары» в этом случае полагалась вполне заслуженная премия.

Северцев внимательно просмотрел документы; они были оформлены достаточно грамотно, и он их подписал. Теперь нужно было получить подпись капитана «Зубатки», который должен был подъехать с минуты на минуту.

Старпом вышел, а в каюту вошли врач Марина Чайка и дневальная Нина. Смущенно потупив глазки, Нина тихим голосом обратилась к Северцеву:

— Виктор Константинович, отпустите меня вместе со Славиком. В качестве сопровождающей.

— Это еще зачем? — удивился Северцев. — В больнице квалифицированный медицинский персонал. Вам там совершенно нечего делать.

— Ну, все-таки персональный уход, усиленное питание, да мало ли что, — бормотала Нина, опустив голову. — Опять же, если его во Владивосток отправят. Как он со сломанной ногой?

Северцев собрался было ответить, что все будет отлично сделано и без Нининого участия: здесь довезут до аэродрома, посадят в самолет, во Владивостоке Славу встретят родители и врач мореходного училища.

Но в это время он увидел, что за спиной Нины Марина Чайка подает ему какие-то непонятные знаки. Северцев мягко попросил дневальную:

— Нина, вы, пожалуйста, выйдите на минутку. Мы тут с доктором обсудим сложившуюся ситуацию. Вы же понимаете, в этом деле решающее слово принадлежит врачу. Я вас позову.

Нина вышла. Марина с улыбкой посмотрела на Северцева.

— Виктор Константинович, неужели вы не знаете, что Славка и Нина друг к другу неровно дышат?

— Впервые слышу, — удивился Северцев.

— Зазнались, товарищ капитан. Оторвались от коллектива, — шутливо укорила Марина Северцева. — Он ей уборку делать помогает, а она его подкармливает тем, что сама приготовит. Отпустите вы этих детей, не мешайте их счастью.

— А кто работать будет, палубу в коридорах драить? — возразил Северцев.

— Да девчонки обо всем договорились. Они берут на себя ее обязанности. Так что за чистоту и порядок не беспокойтесь.

— Ну и дела! — Северцев изобразил возмущение, но скорее для виду. — За моей спиной обо всем договорились, а вас, товарищ доктор, значит, подослали в качестве ходатая.

— Выходит, так. — Марина по-прежнему улыбалась.

Северцев немного помолчал, затем задумчиво проговорил:

— Теряем сразу двух человек. Нина хороший работник.

Ну а Славка вообще трудяга. К тому же без его гитары в рейсе будет скучно. — Он снова помолчал, но потом весело закончил: — Однако чего не сделаешь ради любви!

Северцев поднялся с кресла и открыл дверь каюты. Нина

стояла в коридоре, ожидая решения капитана.

— Собирайтесь, Нина! — обрадовал Северцев девушку. — Вызовите ко мне третьего помощника. Он должен оформить на вас и на Славу документы и вернуть вам паспорта.

— Спасибо, Виктор Константинович! Огромное спасибо! — Девушка сияла от счастья. — Я сейчас, я быстро.

К борту «Ангары» уже подъехала скорая помощь. После недолгих сборов матросы вынесли на руках Славу и его небольшой саквояж. Следом шла Нина с сумкой через плечо. Короткое прощание, дружеские мужские похлопывания, женские поцелуи, и скорая покинула причал.

В морской жизни все делается быстро: швартовка, бункеровка, погрузка-выгрузка, а также встречи и расставания. Сегодня пришел с рейса, обнял любимую; торопливый обмен новостями, праздничный ужин, жаркая, ненасытная ночь, а через день-другой — снова в рейс. Женская прощальная улыбка сквозь слезы, мужские ободряющие, но в сущности ничего не значащие слова, и прощай, милая земля, здравствуй, суровый океан!

Вскоре на борт прибыл капитан «Зубатки» Акулов. Северцев постарался встретить его доброжелательно, тщательно скрывая свою неприязнь к человеку, по вине которого команда «Ангары» была вынуждена трижды в тяжелых штормовых условиях заводить буксир. А травму, полученную курсантом, Северцев уж точно простить ему не мог.

Акулов просмотрел документы.

— Все же вы оформили спасение, — недовольно протянул он.

— А вы как хотели? — едва скрывая возмущение, спросил Северцев.

— Может, запишем как буксировку? — попросил Аку-

лов. — Я готов вас щедро отблагодарить.

— Нет! — решительно оборвал Северцев. — Такие благодарности мне не нужны.

— Ну хорошо, хорошо, пусть будет спасение, — согласился Акулов. — Но у меня к тебе, Виктор Константинович, нижайшая просьба. Убери ты эти записи про обрывы якорной цепи. Ты же понимаешь, как меня взгреет начальство за это. Пусть будет просто обрыв буксира. Неважно, в каком месте произошел обрыв — в якорной цепи или в буксирном тросе. При таком шторме любой буксир мог лопнуть. А я уж распишу героические действия твоего экипажа и твои личные так, как ни один журналист распisać не сумеет.

— Но у меня в судовом журнале уже сделаны записи, — возразил Северцев, — их-то куда не денешь. Как говорится, что написано пером, не вырубишь топором.

— Да шут с ним, с журналом! Ты, главное, из этих документов убери. Очень тебя прошу. Ну, какая тебе корысть от того, что меня накажут? А премию вы так и так получите. Я со своей стороны посодействую.

Северцеву этот разговор был крайне неприятен. Но в то же время он подумал о том, что и в самом деле, убрав из документов текст о якорной цепи, он ничего не теряет, а Акулова спасает от наказания.

«Выходит, я его вторично спасаю», — пошутил про себя Северцев, а вслух сказал:

— Ладно, будь по-твоему.

Забудем про твою злополучную якорную цепь.

— Вот спасибо, Виктор Константинович! — бросился благодарить Акулов. — Я теперь твой должник. Если что, обращайся. Ты ведь знаешь, у меня кое-какие связи. Всегда помогу.

По долгу гостеприимства Северцев достал бутылку коньяка.

Капитаны выпили по паре рюмок, после чего Акулов отправился на свою «Зубатку».

У Северцева после встречи с Акуловым остался в душе неприятный осадок. Внутренний голос подсказывал ему, что он зря поддался на уговоры и удалил из документов текст об обрывах якорной цепи. Однако другой голос столь же настойчиво напоминал о капитанской солидарности. «Сегодня он попал в трудную ситуацию, а завтра, может, я попаду, — размышлял Северцев. — Морская жизнь непредсказуема. Все мы под Богом ходим. Все же лучше сделать человеку добро, чем не сделать».

7.

Дальнейший рейс «Ангары» проходил без особых приключений. Конечно, был длительный переход к берегам Аляски, зачистую в условиях густых туманов, особенно частых весной, прием к борту рыбопромысловых судов, грузовые операции на неспокойном море, затем обратный переход к родным берегам. Все это — обычная работа.

Для выгрузки рыбопродукции «Ангару» направили в Находку. В родной Владивосток судно пришло порожним и буквально на сутки, получить снабжение для рыбаков, чтобы после этого вновь отправиться в район лова.

Северцев зашел в морскую инспекцию сдать отчет о рейсе и документацию о спасении «Зубатки». Его встретил бывший капитан «Ангары» Захар Ильич Гребнев, передавший в свое время эту должность Северцеву. Теперь старый моряк работал в морской инспекции в качестве капитана-наставника. После первых дружеских приветствий Северцев протянул Гребневу папку с документами. Но капитан-наставник неожиданно нахмурился.

— Должен тебя огорчить, дружище, — горестно вздохнув, произнес он.

— А в чем дело? — недоуменно спросил Северцев.

— Бумаги твои я потом посмотрю, — ответил Гребнев, — а ты мне сейчас своими словами расскажи, как ты спасал «Зубатку».

Северцев кратко рассказал всю историю спасения «Зубатки», не утаив и инцидент с якорной цепью.

— Так вот оно как было, оказывается, — внимательно выслушав Северцева, произнес Гребнев. — А теперь послушай меня, Константиныч.

Старый моряк откинулся на спинку кресла, немного постарчески покряхтел и начал свой рассказ:

— Пока ты, Витя, бегал по морям, этот хитрый гусь Акулов прилетел сюда из Петропавловска и накатал на тебя настоящую кляузу. Оказывается, ты, несмотря на неоднократные предупреждения его, Акулова, осуществлял буксировку с недопустимо высокой скоростью. Поэтому буксир трижды рвался, ставя бедную «Зубатку» с неисправным двигателем в критическое положение. Кроме того, из-за грубого нарушения техники безопасности твой матрос получил тяжелую травму.

Северцев буквально остолбенел.

— Это все ложь! У меня в судовом журнале записана и скорость буксировки, и причины обрывов буксира, — возмущенно заговорил он. — И травму курсант получил именно потому, что из-за обрыва якорной цепи «Зубатки» нам приходилось вновь заводить буксир в крайне сложных штормовых условиях.

— Я все понимаю, и я тебе верю, — Гребнев покачал головой, — но уже поздно что-либо доказывать. Начальник Управления принял решение на основании

записки Акулова. И, насколько мне известно, не без давления высокопоставленного папаша.

Захар Ильич перевел дыхание. Старик явно страдал одышкой.

— Тебе, Виктор, наказание грозило. Но тут уж я твердо стал за тебя всей своей старческой грудью. Поговорил с начальником крутым морским языком. Ну, сам понимаешь. Он и отступил. Так что наказания тебе не будет, но и премии за спасение тоже не будет, к сожалению.

— Да я в суд на него подам! — гневно воскликнул Северцев.

— Ничего не выйдет. Ты знаешь, начальство своих решений менять не любит. А ссориться с Акуловым-старшим тем более не захочет. Защищать ответчика прибежит целый взвод адвокатов. Ты же и останешься виновным.

— А где сейчас этот мерзавец? — уже несколько спокойнее спросил Северцев. — Я хотя бы морду ему набью.

— Это, конечно, можно, — засмеялся Гребнев, — только он сейчас далеко. Взял отпуск после «трудного» рейса, нервы подлечить. Лежит сейчас где-нибудь в Сочи на пляже с очередной красоткой.

— Обрадовали вы меня, дальше некуда, — проворчал Северцев.

— Да ты не очень огорчайся. Премии мы вам за что-нибудь другое придумаем. А с этим делом ты лучше не возникай.

Старик снова помолчал, потом спросил:

— А в бумагах, что ты мне принес, написано про эту пресловутую якорную цепь?

— Нет, — удрученно ответил Северцев, — Акулов очень просил меня не писать об этом.

— Ну и дурак же ты, Витя-ка! — Старый капитан аж подпрыгнул в кресле. — Хороший парень, отличный моряк, но дурак. Ты кому поверил, кого пожалел? Этого пройдоху? Да он кого угодно,

даже своего родного отца-благодетеля продает за хорошие бабки.

— Теперь я и сам вижу, что сглюпил. — Северцев был окончательно расстроен.

Увидев это Гребнев, как настоящий капитан-наставник, положил свою ладонь на руку Северцева и тихо сказал:

— Не хмурься, Виктор Константинович. Эти акулы, конечно, многое могут. Но рано или поздно они все равно на чем-нибудь сгорят. Бог все видит, да не скоро скажет. — Захар Ильич крепко сжал руку Северцева. — Зато у нас с тобой есть море, и его у нас никто не отнимет. Ты когда в рейс?

— Завтра.

— Вот и иди, да с улыбкой, как положено настоящему капитану! Помнишь, как в песне: «Ведь улыбка — это флаг корабля!» А про этих земноводных забудь. Они только по лужам, как лягушки, прыгать умеют. А мы с тобой океаны пересекаем. И здесь над нами никто не властен. Еще Максим Горький сказал: «Капитан — это звучит гордо!»

— Так Горький сказал: «Человек — это звучит гордо!»

— Верно! — ничуть не смутился Захар Ильич. — Капитан — это самое яркое воплощение настоящего человека!

Глядя на возбужденного, будто вдруг помолодевшего капитана-наставника, Северцев не мог сдерживать улыбки. Он хорошо помнил Гребнева в должности капитана «Ангары». Обычно спокойный, добродушный, в минуту опасности он становился предельно собранным, сосредоточенным. И хотя отдавал команды, не повышая голоса, было в этом голосе что-то такое, что заставляло моряков мгновенно срываться с места и пулей нестись выполнять распоряжения своего капитана.

Между тем Захар Ильич продолжал:

— Ты судно спас? Спас. И это главное! Все остальное — суета сует. Все остальное — это ракушки на подводной части корпуса судна. Они только скорость хода снижают. Зачистить корпус — и все дела. Счастливого плавания тебе! Экипажу привет и наилучшие пожелания! Чай, не забыли старика?

В последних словах Гребнева прозвучала едва уловимая, однако не укрывшаяся от Северцева ревность. И он тут же попытался ободрить своего бывшего капитана.

— Ну что вы, Захар Ильич! Мы все вас очень часто вспоминаем. Вот случится у нас стоянка подольше, приходите в гости. Будем рады.

8.

Северцев вышел из здания управления и направился на судно. Неожиданно сзади его окликнули. Он обернулся. Перед ним стоял пожилой человек невысокого роста в морской форме, поверх которой была накинута ветровка.

— Здравствуйте, Виктор Константинович! — обратился к Северцеву незнакомец. — Я старший механик с «Зубатки».

— Слушаю вас, — хмуро ответил Северцев, даже не пытаясь скрыть своего раздражения.

— Виктор Константинович, я должен вам кое-что сказать. Уверен, это важно. Прежде всего, вам важно.

— Говорите, слушаю.

Пожилый стармех набрал воздуха в легкие и на выдохе произнес:

— Неполомки в двигателе я обнаружил еще перед выходом в рейс и доложил об этом капитану. Но он проигнорировал мое предупреждение. И брагу я настоятельно советовал ему завести. Я слышал ваш разго-

вор с Акуловым, так как в этот момент находился на мостике. Но он и тут проявил упрямство, не выполнил вашу с ним договоренность.

Стармех опустил голову и продолжил:

— Я знаю, он поступил с вами подло. Я готов вам помочь.

— А почему вы молчали до сих пор? — резко спросил Северцев.

Стармех стоял, переминаясь с ноги на ногу, затем каким-то глухим голосом произнес:

— У Акулова отношения с моей дочерью. Она ждет от него ребенка. Я не хотел подставлять своего будущего зятя.

— А сейчас почему же решили подставить? Что-то изменилось? — спросил Северцев.

— Изменилось. Он бросил мою дочь, беременную бросил. Улетел отдыхать в Сочи с какой-то новой фифой.

— Понятно, — покачал головой Северцев, затем, глядя стармеху прямо в глаза, сказал: — Ваша дочь — это ваше личное дело. Но вы готовы подтвердить все только что сказанное мне о неисправном двигателе и о необъяснимом решении по поводу браги?

— Готов! Я бы и о дочери сказал. Ну, в смысле об аморальном поведении Акулова, чтобы его на парткоме как следует пропесочили, но дочь мне категорически запретила. Она у меня гордая.

— Ладно, — уже более мягко сказал Северцев, — я все равно завтра уйду в рейс, да и Акулов сейчас слишком далеко. Давайте после моего возвращения встретимся. А пока обдумаем все это дело.

— Договорились. Я через пару дней улечу в Петропавловск на судно. Но после окончания ремонта двигателя спишусь. Не могу больше работать с этим мерзавцем. Побуду немного дома с дочерью. Я ей сейчас очень нужен. — Стармех протя-

нул Северцеву листок. — Здесь мои координаты: домашний адрес, телефон.

— Ну, тогда до встречи! — Северцев пожал руку собеседнику и быстро пошел на судно.

9.

«Ангара» вернулась во Владивосток уже в конце лета. И первым, кто появился на судне (разумеется, после официальных представителей), был Слава. Он еще слегка хромал, но в целом выглядел вполне здоровым. После дружеских объятий и короткого обмена новостями с товарищами он поступал в каюту капитана.

— Здравствуй, Слава! — Северцев поднялся навстречу курсанту и протянул ему руку. — Я вижу, ты почти здоров. Скоро у тебя начнется новый учебный год. Ну а на летнюю практику приходи снова к нам. Ты хорошо себя проявил. Уверен, из тебя получится отличный моряк, квалифицированный судоводитель.

К удивлению Северцева, его бодрые слова не произвели на курсанта ожидаемого впечатления. Глядя в сторону, Слава как-то криво улыбнулся.

— Что-то не так? — озабоченно спросил капитан.

— Все не так, Виктор Константинович, — хмуро подтвердил Слава.

— Ну, тогда садись и подробно рассказывай. — Северцев указал курсанту на стул и сам опустился в кресло.

И Слава рассказал о том, что произошло с ним за то время, пока «Ангара» находилась в рейсе.

— Я еще был в больнице, когда ко мне вдруг пришел какой-то весьма скользкий тип. Он уговаривал меня дать на вас, Виктор Константинович, всякие обвинительные показания. Ну, что у нас на судне техника безопасности в плохом состоянии. Что вы неправильно маневрировали при подаче

буксира, в результате чего волна зашла на кормовую палубу и сбילה меня с ног. Что с командой судна вы постоянно конфликтуете, ну и так далее, все в том же духе.

— И что ты ему ответил? — прищурив глаза, Северцев пристально взглянул на курсанта.

— Я послал его, очень далеко послал. — Слава смущенно опустил голову.

— Ну и правильно! — одобрительно заключил Северцев.

— Да если бы на этом все закончилось! — воскликнул Слава.

— А что, было продолжение?

— В том-то и дело. — И Слава продолжил свой невеселый рассказ. — Я выписался из больницы и, чтобы не терять время, в ожидании вашего прихода устроился временно на буксир. И вот тут произошел неприятный инцидент. Как-то вечером мы с Ниной возвращались из кино. К нам привязались двое отморожков. Я с ними быстро разделался; ведь у меня разряд по самбо. — Слава поднял голову и впервые за все время разговора по-доброму улыбнулся.

— Молодец! — искренне одобрил Северцев. — Между прочим, я в училище тоже занимался самбо. Так что вызываю тебя на товарищеский поединок. Разумеется, когда твоя нога окончательно заживет.

— Да тут, похоже, другой поединок намечается. — Слава снова нахмурился. — На следующий день после этого происшествия меня вызвали в отдел кадров. Инспектор сказал, что меня уволят за хулиганство, да еще сообщат в училище о моем безобразном поведении.

— Вот как! Да ты не волнуйся. Я сейчас же пойду в кадры и постараюсь все уладить. У нас даже за более серьезные проступки не увольняют. Людей нет, тем более в период летних отпусков. Суда выйдут в рейс с неукомплектованным

штатом. А тут хорошего парня увольняют только за то, что он проучил двух подонков. — Северцев был не на шутку возмущен. — Нет управы на наших чиновников! Сидят в конторах и начальниками себя воображают. Но ты, Слава, не переживай. Я дам тебе блестящую характеристику по окончании практики. Посмотрим, кому больше поверит твое училищное начальство — капитану дальнего плавания или специалисту по бумаготворчеству.

— Я еще не все рассказал, Виктор Константинович. — Слава тяжело вздохнул. — Инспектор вполне прозрачно намекнул, что если я дам показания против вас, то буду полностью освобожден от наказания. И даже получу кое-какие блага.

— Ах, вот откуда, оказывается, ноги растут. — Северцев наконец понял всю серьезность положения. Акулов и его шайка решили разделаться с ним, Северцевым. А Слава всего лишь разменная монета в их игре.

Между тем Слава снова заговорил.

— Виктор Константинович, я только хотел вас предупредить. А за меня вы не бойтесь. Я в училище на хорошем счету. У меня и успеваемость, и спорт, и общественная работа. Я все объясню командованию, мне поверят.

— Конечно, поверят, Слава. Приходи на судно и включайся в работу. А я все же схожу в кадры. Кстати, совсем забыл, а как у тебя с Ниной?

Курсант сжал губы и не сказал, а буквально процедил:

— Нина от меня ушла.

— Как ушла? Почему? Ведь она даже меня упросила написать ее в Петропавловске, чтобы тебя сопровождать и в больнице за тобой ухаживать.

— Так все и было. И сопровождала, и ухаживала. Но через

несколько дней после той драки вдруг ушла. Толком ничего не объяснила. Просто взяла и ушла.

— А где она сейчас и с кем?

— Не знаю.

— Ладно, Слава, с Ниной ты сам разбирайся. Ты мужчина, к тому же моряк. Вот и решай вопрос соответственно твоему высокому званию. Ну а я — в кадры. Удачи тебе!

— Спасибо, Виктор Константинович!

10.

Северцев плохо знал инспектора кадров по рядовому плавсоставу; он больше общался с инспектором по командному составу. Однако он был уверен, что ему удастся положительно решить вопрос о ни в чем не повинном курсанте, затянутом корыстными людьми в паутину интриг.

Но инспектор на вопрос Северцева вдруг нахмурился и, по-бычьему опустив голову, как будто хотел забодать собеседника, про бурчал: «Я здесь ничего не могу сделать. Обращайтесь к заместителю начальника управления. Это его указание».

Северцев очень удивился такому ответу, но решил подняться этажом выше к заместителю начальника, с которым был знаком, хотя и не слишком близко. Они неоднократно встречались на различных совещаниях. Северцев считал заместителя начальника вполне порядочным человеком и толковым руководителем, способным оперативно решать довольно сложные вопросы. Конечно же, простейший вопрос, с которым к нему пришел Северцев, он решит в два счета. В самом деле, ну зачем делать пакость бедному курсанту? Если у Акулова есть претензии к нему, Северцеву, и начальство его в этом поддерживает, то пусть с ним, Северцевым, и раз-

бираются. А мальчишку пусть оставят в покое.

Северцев поднялся по лестнице, подошел к кабинету и уже хотел отворить массивную начальственную дверь, как вдруг застыл на месте. Его взгляд упал на прикрепленную к дверям табличку. Надпись будто нагло смеялась, нет, просто издевательски хохотала над Северцевым. На табличке значилось «Заместитель начальника Управления Акулов Евгений Яковлевич».

Вот это номер! Северцев стоял опустошенный. Ему теперь стал предельно ясен весь ход событий, рассказанных Славой. Всесильный папаша усадил своего сыночка, капитана-неудачника, в высокое кресло на теплое место. И сыночек, используя свои властные полномочия, начинает расправляться с неугодными.

Что же делать? Обратиться прямо к начальнику Управления? Как-то неудобно с таким, в общем-то, мелким вопросом. Привлечь союзников? Например, капитана-наставника Гребнева, еще кое-кого; у Северцева есть надежные друзья. Но на это нужно время, а вопрос требует быстрого решения.

Северцев вдруг почувствовал, как в нем закипает чисто спортивная злость. «А чего я, собственно, раздумываю, — спросил он сам себя. — Передо мной противник, хитрый и подлый. Ну, так не в первый же раз! Сейчас мы с вами встретимся, господин Акулов, один на один, с глазу на глаз. Посмотрим, как вы запоете».

Северцев решительно дернул на себя дверь и вошел в приемную. Но тут его ждал новый сюрприз. Из-за стола секретаря ему навстречу поднялась Нина.

— Здравствуйте, Виктор Константинович! С приходом в родной порт. Как я рада вас видеть! — Нина просто сияла от счастья.

— Нина, так ты что, здесь работаешь? — Северцев понемногу приходил в себя.

— Да, я секретарь Евгения Яковлевича.

— А как же Слава? Ведь ты тогда ушла вслед за ним. — Северцев почувствовал, что задал бестактный вопрос. В конце концов, это не его дело.

Но Нина нисколько не смутилась. Сделав грустное лицо, она голосом, в котором звучало сожаление, проговорила:

— Со Славой пришлось расстаться. Он, конечно, хороший парень, но, вы знаете, в жизни всякое случается.

— Да, конечно, — согласился Северцев. — Ну и как ты теперь? Довольна жизнью?

— Вполне. Это ведь не коридоры мыть, целый день со шваброй. Работа чистая, интеллигентные люди приходят, комплименты делают, иногда подарочки приносят.

— М-да, а вот я без подарка, — чуть ли не извинился Северцев.

— Ой, что вы, Виктор Константинович, я вовсе не к тому сказала. Я часто вас вспоминаю, и всегда только хорошее. — Вдруг будто действительно что-то вспомнив, Нина радостно защебетала: — А приходите к нам на свадьбу. Вы, мой капитан, будете самым дорогим гостем!

— Так ты замуж выходишь?

— Ну да! Евгений Яковлевич сделал мне предложение.

— Так ты выходишь за Акулова?

— Конечно. Приходите, мы будем рады. Ведь вы спасли моего жениха, — Нина кокетливо улыбнулась.

«Новости сыплются на меня, как из рога изобилия, — подумал Северцев. — Сегодня у меня явно день сюрпризов. Вот только от таких сюрпризов с души воротит».

— А Евгений Яковлевич на минутку вышел, сейчас он подойдет. Вы, пожалуйста, присядьте вот сюда, в кресло, — продолжала

Нина, изображая опытную, обходительную секретаршу, создающую привлекательный имидж своему шефу. — Вот здесь, на столике, последние журналы. Вам будет интересно после длительного пребывания в море. В холодильнике есть напитки. Хотите?

— Нет, Нина, большое спасибо! Сейчас я ничего не хочу. — И вдруг без всякого перехода, глядя прямо в глаза девушки: — А ты знаешь, что Славу увольняют по статье за хулиганство, да еще в училище хотят на него клеюзу направить? И все это делает твой жених.

Нина опустила голову и тихо проговорила:

— Это, Виктор Константинович, мужские дела. Евгений Яковлевич очень ревнив. Это потому, что он сильно меня любит. Он хочет удалить Славу как можно дальше от нас.

— Вот как! Любит, значит. Ревнует. А ведь так называемое хулиганство Славы выражается лишь в том, что он тебя, Нина, от бандитов защитил. С большой-то ногой. Тебя совесть не мучает?

Неожиданно Нина вздернула голову, выпрямилась и громким голосом резко бросила в лицо Северцеву:

— Мучает, сильно мучает! Но поймите, мне нужно строить собственную жизнь. А с кем? Со Славой, у которого даже жилья нет? Общежитие в училище, потом каюта на судне. А я достойной жизни хочу! Я детей хочу! Куда я принесу ребенка из роддома? На съемную квартиру? А муж в это время будет в море. А мне придется все делать самой. Родителей-то у меня, считайте, нет. Отец нас бросил, когда я еще совсем маленькой была. А мама выпивает, иногда довольно крепко. Какая с нее помощница? Я ей самой помогаю. — Нина немного успокои-

лась и уже обычным голосом продолжила: — А у Акулова шикарная квартира, и престижная должность, и все условия для карьерного роста. И папа большой начальник, всегда поддержит и прикроет в случае чего. В этой жизни, Виктор Константинович, каждый сам за себя.

В душе Северцева неожиданно для него самого вдруг затеплилось сочувствие к Нине. Конечно, он не мог принять ее жизненную позицию. Но с другой стороны, кто может осудить молодую девушку, обиженную судьбой чуть не с самого рождения, за то, что она стремится устроить собственную жизнь и жизнь своих будущих детей? Она делает это как умеет. И кто посмеет бросить в нее камень?

И все же хоть и примирительным, но достаточно твердым голосом он произнес:

— Слава защитил тебя на улице. И я абсолютно уверен в том, что он защищал бы тебя всю жизнь, в любой ситуации. А будет ли защищать тебя твой нынешний избранник? Сомневаюсь.

— А я все понимаю, Виктор Константинович, — уже совсем спокойно и даже с улыбкой ответила Нина. — Я сама буду себя защищать. Мне только какой-то фундамент в жизни нужен, стартовая площадка. Я женщина, в конце-то концов! А женщине, прежде всего, нужен уютный дом, теплое гнездышко.

— Ладно, Нина, будь счастлива! Вот только не прогадай.

В этот момент в приемную вошел Акулов.

— Какие люди! Рад вас видеть, Виктор Константинович! Проходите. — Акулов гостеприимно распахнул дверь своего кабинета. — Ниночка, приготовь нам по первому классу, как ты умеешь. — Затем обратился к Северцеву: — Чай, кофе? А может, что-нибудь покрепче? Коньяк, виски, ром?

— Ничего не нужно, Евгений Яковлевич. И Нину не напрягайте. У меня к вам совсем маленькое дело.

— Тогда присаживайтесь. Слушаю вас внимательно. — Акулов уселся в кресло и всем корпусом наклонился к собеседнику, демонстрируя предельное внимание.

— Евгений Яковлевич, оставьте в покое бедного курсанта.

— Ах, вот вы о чем, точнее, о ком. — Акулов нахмурился. От напускного радушия не осталось и следа. — К сожалению, не могу выполнить вашу просьбу, Виктор Константинович. Я как заместитель начальника управления должен бороться за укрепление дисциплины в нашей организации. Согласитесь, у нас с этим далеко не все благополучно. Морская вольница, понимаете. Пьют на берегу, дебоширят. Да вы сами знаете не хуже меня.

— Слава не пил и не дебоширил. Они с Ниной шли из кино. К ним пристали хулиганы. Он защитил свою подругу, между прочим, вашу нынешнюю секретаршу.

— Это, по-видимому, он вам так рассказал. Но есть и другие версии.

— Какие версии и чьи?

— Это неважно. Там разбираются те, кому это по должности положено.

Северцев решил сменить тактику. Махнув рукой, он с беспечным видом произнес:

— Ну и ладно. Пусть разбираются. Но, Евгений Яковлевич, может, накануне знаменательного события в вашей жизни вы проявите милосердие? Даже царствующие особы в подобных ситуациях объявляли амнистии.

— О каком событии вы говорите? — Совершенно искреннее, неподдельное удивление прозвучало в словах Акулова.

— Как о каком! Я говорю о вашей свадьбе.

— Что-о-о? — Акулов даже привстал с кресла. — Какая свадьба? Откуда такие слухи, сплетни?

— Нина только что поделилась со мной своей радостью. Ведь вы с ней должны пожениться в ближайшее время. Я даже получил приглашение на свадьбу. — Северцев был сама невозмутимость.

— Ах вот оно что. — Акулов несколько успокоился. — Эти женщины — настоящие сумасбродки. Что угодно выдумывают, а потом утверждают, что так оно и было. Ну, пошалили немного, не скрываю. А для чего же еще держат симпатичных секретарш? — Акулов цинично усмехнулся. — Но ни о какой свадьбе разговоров не было. Просто мадам желаемое выдает за действительное. Ох, и всыплю я ей за такие разговоры по первое число, чтобы языком не молола, сплетен не распускала.

— Ладно, Евгений Яковлевич, все это не мое дело. — Северцев решил вернуться к основному вопросу. — Но с курсанта вы все-таки снимите незаслуженные обвинения. Он действительно ни в чем не виноват. И не нужно портить парню биографию.

— А вам не кажется, Виктор Константинович, что вы вмешиваетесь не в свое дело? Ваш протеже, между прочим, после полученной травмы у вас уже не работает. Он трудится на буксире. А вам, капитану «Ангары», лучше навести порядок у себя на судне. — Акулов заговорил начальственным тоном. — У вас во время буксировки трижды рвался буксир. Матрос, проходящий практику под вашим руководством, получил тяжелую травму. Дисциплина на «Ангаре» хромает, и нравственный климат не вполне здоровый.

— А при чем тут нравственный климат? — Северцев старался сдержаться.

— Ну как же! Капитан спит с судовым врачом. Какой пример вы подаете экипажу?

Такого оскорбления Северцев уже не мог простить. «Какая же ты сволочь, — подумал он, едва сдерживая закипающее бешенство, — всем нагадил: и Славке, и Нине, а теперь еще и Марине. О себе я уж молчу». С нескрываемой ненавистью глядя в лицо Акулова, Северцев заговорил предельно жестко:

— Ты допустил грубую ошибку, Акулов. Выбрал противника себе не по зубам. Заруби в своем мозгу: со мной шутки плохи. Это тебе не наивных девочек обманывать. Или ты хочешь, чтобы руководство узнало о том, что ты, несмотря на предупреждение старшего механика, вышел в рейс с неисправным двигателем? Или чтобы руководство ознакомилось с выписками из моего судового журнала, в которых сказано, что на самом деле трижды рвался не буксир, а твоя якорная цепь? А может, ты хочешь, чтобы парткому стало известно о том, как ты бросил женщину, ждущую от тебя ребенка?

Северцев увидел, как стремительно меняется выражение лица Акулова. Сначала растерянность, затем явный испуг и, наконец, откровенная паника. И он продолжал давить своего противника:

— А за Марину я тебе, мразь, просто по-мужски набью морду!

Вся начальственная спесь мгновенно слетела с Акулова. Он заговорил, почти застонал каким-то лакейским голосом:

— Виктор Константинович, поверьте, я вовсе не хотел с вами ссориться. Я благодарен вам за спасение. Ну да, я виноват. Хотел избежать наказания, поэтому вас подставил. Но ведь все обошлось. А экипажу мы премию выпишем. Большую, уж я постараюсь. Вы мои возможности знаете. — Акулов перевел дух. — За

курсанта не беспокойтесь, я распорядюсь.

— Звони в кадры прямо сейчас, при мне, — потребовал Северцев. — Знаю я, как верить твоим обещаниям.

Северцев только теперь заметил, что обращается к начальнику на «ты», в то время как тот по-прежнему говорит ему «вы». В данной ситуации «ты» Северцева вовсе не было знаком теплого, товарищеского отношения, напротив, оно было знаком глубокого презрения.

Дрожащими пальцами Акулов схватил трубку телефона и набрал номер инспектора по кадрам. Когда тот ответил, Акулов распорядился уничтожить все бумаги, компрометирующие курсанта. Но что поразило Северцева, так это резкая перемена голоса Акулова. С рядовым кадровиком он снова разговаривал, как высокий начальник. «Ну и хамелеон! — удивлялся Северцев. — Ведь только что передо мной чуть ли не на пузе ползал».

— Знаешь, здесь капитан «Ангары» очень уж просит за этого курсанта. Давай уважим человека. Так сказать, проявим гуманность, — разглагольствовал между тем Акулов. Инспектор что-то отвечал, но его не было слышно. Наконец, снова заговорил Акулов. — Ну да, все верно ты говоришь. Кадры нам, действительно, нужны. Пусть оканчивает свою бурсу и приходит к нам. Мы зла не помним, примем. — Акулов положил трубку и обратился к Северцеву. — Вот, все в порядке, Виктор Константинович. Надеюсь, инцидент исчерпан.

— Я тоже надеюсь, — ответил Северцев, — и на будущее запомни: капитаны стоят дороже, намного дороже, чем чиновники вроде тебя. Так что лучше впредь не становись у меня на пути. Растопчу!

— Между прочим, я тоже капитан, — обиженно возразил Акулов.

— Ну, какой ты капитан, весь флот знает. Сиди уж лучше в своем кресле и не лезь на капитанский мостик. От таких, как ты, море киснет и рыбы дохнут.

Северцев вышел из кабинета. Навстречу ему поднялась взволнованная Нина. Она слышала шум в кабинете своего шефа, но слов не могла разобрать, хотя, конечно, догадывалась, по какому поводу шумели ее бывший капитан и ее нынешний шеф.

Северцев посмотрел на Нину с глубоким сожалением и тихо сказал:

— Послушай моего совета, девочка: беги от него как можно быстрее и как можно дальше.

11.

2003 год. Виктор Константинович Северцев на веранде своей подмосковной дачи играет в шахматы с внуком Всеволодом. Двое других внуков, Семен и Федор, активно помогают брату, предлагая свои варианты развития партии почти перед каждым ходом. И лишь самый маленький Миша болеет за деда. Правда, играть он еще не умеет, но названия шахматных фигур уже выучил. Больше всего ему нравятся кони. А поскольку к этому времени Северцев успел разменять своих ничем не примечательных слонов на красавцев-коней своего противника, Миша считает, что

партия фактически уже выиграна, и Севке пора сдаваться. В самом деле, ведь среди фигур деда красуются великолепные кони, а у Севки на доске обычные фигуры, почему-то называемые слонами, хотя у них даже хоботов нет. Миша видел слона в зоопарке и не может понять, за какие заслуги эти фигурки, мало чем отличающиеся от пешек, только ростом повыше, названы слонами. Они совсем не похожи на могучих, прекрасных животных. То обстоятельство, что на шахматной доске слон и конь являются фигурами равноценными, Мише пока неизвестно. Поэтому, сжав маленькие кулачки, с выражением недетской ярости на лице, он голосом отважного центуриона, ведущего в бой римскую конницу, кричит: «Дед, атакуй кавалерией! Ведь его король совсем близко. Поставим ему мат, а королеву возьмем в плен».

Виктор Константинович уже давно сошел на берег, но с морем, конечно же, не расстался. Работает заместителем генерального директора Института морского транспорта. Защитил диссертацию. Женился на своей школьной подруге; они, как это часто бывает, разъехались после окончания школы, но через несколько лет разлуки встретились снова и уже не расставались. У них двое сыновей и уже четверо внуков и еще внучка Леночка.

В углу веранды негромко бормочет телевизор. Передают последние известия, ничего интересного. Вдруг что-то очень знакомое привлекло внимание Виктора Константиновича.

— Семен, сделай-ка погромче, — обратился он к старшему внуку.

Семен нажал на кнопку пульта, и Северцев отчетливо услышал голос диктора телевидения: «Арестован генеральный директор ОАО "Востокрыбтранс" Акулов Евгений Яковлевич. Ему инкриминируется хищение денежных средств в особо крупных размерах. Арестованный уже дает признательные показания».

— Дедушка, ты что, знал этого человека? — спросил Семен, с интересом глядя на деда.

— Знал, Сеня. И однажды в море даже спас. Но теперь пусть он уж сам себя спасает, если, конечно, сумеет. — И затем, будто вспоминая что-то из далекого прошлого, задумчиво произнес: — Сколько веревочка ни вейся, концу быть.

В этот момент Всеволод нетерпеливо напомнил:

— Дедушка, твой ход. Если будешь так долго думать, просрочишь время.

Виктор Константинович с улыбкой посмотрел на внука и сказал:

— Нет, Севочка, не просрочу. Мы с вами, ребята, всегда будем идти в ногу со временем!

БУХТА РУССКАЯ

(РАССКАЗ ШТУРМАНА СЕВЕРЦЕВА)

Недалеко от Петропавловска-Камчатского расположена бухта Русская, необыкновенно красивая, с берегами, покрытыми густой травой и кустарником, бо-

гатая рыбой, удобная для стоянки судов.

Как-то мы зашли в эту бухту, чтобы спрятаться от шторма, отстояться после нескольких

суток непрерывной изнуряющей болтанки и отключиться от грохота волн, одна за другой разбивающихся о корпус судна. Зашли под утро, когда вся команда, кроме

вахты, еще спала. А как раз в это время в бухте цвели саранки, такие маленькие желтые цветочки с резким, но очень приятным, прямо-таки возбуждающим запахом. От внезапно наступившей тишины и дурманящего аромата саранок моряки стали просыпаться и выходить, а точнее, выползать из кают. Сонные, неумытые, накинув куртки и бушлаты прямо на голое тело, они поднимались на верхнюю палубу и жадно, всей грудью вдыхали свежий, насыщенный озоном воздух, несущий в себе живительную силу моря и прибрежной зелени.

Но главной достопримечательностью бухты Русская и ее важнейшим достоинством в чисто практическом плане был мощный ручей чистой пресной воды, стекавшей с прибрежной сопки в море. Суда подходили к этому благодатному ручью, опускали в него шланги и набирали полные танки замечательной воды, так необходимой в рейсе, когда неизвестно где и как скоро удастся вновь пополнить ее запасы.

Для удобства бункеровки рядом с ручьем поставили на мертвые швартовы старое судно «Рылеев». Суда, заходящие в бухту для пополнения запасов воды, швартовались к «Рылееву» и подключали шланги к его трубопроводу. Это было действительно удобно.

Но чиновники решили, что бесплатное использование пресной воды есть расточительство природных ресурсов, принадлежащих государству. И ввели соответствующую плату. Было это еще в далекие дореформенные, или, как чаще принято говорить, советские времена. Плата за воду, как, впрочем, и за все остальное, для государственного предприятия имела чисто формальный характер. Тем не менее потребовалось заполнение каких-то счетов. А для

этого на «Рылееве» поселили старика, правда, еще вполне крепкого. Жил он со своей старухой и собакой посреди чудесной природы. Свежий морской воздух, буйная растительность, грибы, ягоды. А рыбы столько, что у старика иногда даже не хватало сил, чтобы вытянуть сети. Помогали ребята с заходящих судов. Они же, как правило, и подносили ему «стаканчик» при подписании документа на выдачу воды. Суда заходили довольно часто, «стаканчиков» было много. Так что старик, что называется, не просыхал. Кое-какие продукты ему тоже подбрасывали. В общем, жили старик со старухой и с собакой у самого синего моря, как у Христа за пазухой.

Но чиновники, как известно, не дремлют. Они строго чтут законы и требуют их неукоснительного выполнения. И вот озаботились они следующим обстоятельством: суда за водой приходят в любое время суток, даже ночью. Так как же это бедный старик на «Рылееве» работает? Круглосуточно, что ли? На самом-то деле старик круглосуточно спал (в антрактах между приемами «стаканчиков»). Но формально считалось, что он отпускает воду, то есть работает.

И прислали на «Рылеев» еще одного старика с тем, чтобы организовать посменное дежурство на выдаче воды. И тут началось... Не ужились старики друг с другом. Ну не хватило им на двоих целого парохода со сказочной бухтой в придачу. И разгорелась между ними война. А начальство-то далеко. Пожаловаться трудно. Мобильных телефонов в те времена еще не было. И решили тогда враждующие стороны «стучать» друг на друга по судовым радиостанциям. И вот как только очередное судно пришвартуется к «Рылееву», кто-то из стариков трусит к судовому ради-

сту с радиограммой высокого начальству. А в радиограмме — целый чемодан компромата на своего коллегу. Полный набор типичных для советской эпохи обвинений: в нарушении трудовой дисциплины (как можно нарушить трудовую дисциплину в условиях отсутствия серьезного труда?), в невыполнении служебных обязанностей (интересно, каких?), а главное, в аморальном поведении (самое модное в советские времена обвинение; вот только как можно совершить «аморалку» на краю земли при наличии всего одной женщины-старухи?). Не успеет один старик покинуть борт судна, крадется другой с аналогичной депешей.

Радисты, конечно, всякий раз обещали старикам отправить их радиограммы по назначению, но, вполне понятно, этого не делали. А сразу же после выхода судна из бухты зачитывали эти уникальные литературные произведения в веселой компании. И долго флотская молодежь потешалась над человеческой глупостью. И то сказать, в длительном рейсе так мало развлечений!

Моряки с разных судов передавали друг другу содержание стариковских доносов. Тексты неотправленных радиограмм при устной передаче обрастали подробностями, пикантными дополнениями, откровенными выдумками, превращались в анекдоты. И ходила веселая легенда по дальневосточным флотам!

Но есть в этой истории не только смешная, но и весьма грустная сторона. И даже страшная, если глубоко задуматься. Что же это за создание такое, человек? Стоит людям собраться хотя бы вдвоем (не говоря уж о большом коллективе) на огромном пространстве, как они тут же находят причины для смертельной вражды. Вот и думаю я, а что случилось бы, если бы вдруг

люди опять попали в рай (а бухта Русская и есть настоящий земной рай)? Как бы они себя там повели? Наверняка перессорились бы, несмотря на многовеко-

вой опыт множества поколений и колоссальные достижения различных наук, в том числе гуманитарных. И вновь изгнал бы их Бог из рая, как когда-то

Адама и Еву, с грустью убедившись в том, что эти существа, которых он создал по своему образцу и подобию, за тысячи лет так ничему и не научились.

Продолжение следует.

Мурманск — Москва